

**СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МОТИВА «ОБРАЩЕНИЕ
ЗАГОВАРИВАЮЩЕГО...» И ИХ РОЛЬ В ЗАГОВОРНОМ ТЕКСТЕ**
(на материалах белорусских лечебных заговоров)

Стаття присвячена аналізу основних структурних компонентів замовного мотиву – змістовної, семантично завершеною одиниці тексту – суб'єкта, його дії, об'єкта, на яке спрямовано дію суб'єкта.

Ключові слова: *замовний жанр, мотив, структурні компоненти, суб'єкт, об'єкт, дія суб'єкта, семантика.*

Статья посвящена анализу основных структурных компонентов заговорного мотива – содержательной, семантически завершённой единицы текста – субъекта, его действия, объекта, на которое направлено действие субъекта.

Ключевые слова: *заговорный жанр, мотив, структурные компоненты, субъект, объект, действие субъекта, семантика.*

This article analyzes the main structural components of incantation motive – the content is semantically complete units of text – the subject of its action, the object targeted by the action of the subject.

Key words: *incantation genre, motif, structural components, subject, object, action entity semantics.*

Заговорный жанр – уникальное явление в традиционной культуре белорусов, что проявляется в первую очередь в его трехкомпонентности. Как справедливо отметил А. Юдин, «словесный текст является составной частью сложного акционально-вербально-реального (т. е. совмещающего выполнение определенных действий, произнесение некоторых слов и нередко использование каких-то предметов) магического текста» [1: 4-5]. Трехкомпонентность заговорного жанра проявляется также в том, что в его состав входят «субъект коммуникации (экспедиент), вербальный или обрядовый «текст», играющий роль медиатора (посредника) коммуникации, воспринимающий (реципиент)...» [2: 112]. В предлагаемой статье будет проведен анализ именно вербального, относительно небольшого по размерам, компонента, в частности одного из его содержательных единиц – мотива «Обращение заговаривающего...» с точки зрения выявления семантики структурных компонентов. Для выполнения поставленной задачи необходимо в первую очередь обратить внимание на характер постоянства или изменяемости *субъекта, объекта и действия* как главных слагаемых мотива.

Симптоматично, что несмотря на архаичность жанра, доминирующее место занимает субмотив (реализация мотива на объектом смысловом уровне) «Обращение заговаривающего к христианским персонажам», что подтверждает высказывание Дж. Фрэзера о том, что «церкви очень часто удавалось привить ростки новой веры к старому языческому древу» [3: 363]. Аналогичного взгляда придерживается и А. Морозов, утверждая, © *Вергеенко С.А., 2011*

что «... народ по своему перерабатывал каноны православия, приближая их к своим дохристианским верованиям» [4: 285].

В анализируемых текстах белорусских заговоров прямое обращение к христианским персонажам встречается в преобладающем большинстве. Это дает основание не согласиться с мнением А. Максимова, который довольно категорично утверждал, что «в заговорах редки прямые обращения к христианским персонажам. Апелляции к ним происходят второстепенно, через введение соответствующих образов в повествовательную часть заговоров... В большинстве заговоров у Бога, Богородицы, других христианских персонажей, в отличие от демонологических существ, не просят запросто о том, ради чего звучит заговор. Их авторитетом как бы подкрепляется просьба, обеспечивается ее действительность» [5: 18].

Константным компонентом в названном мотиве является субъект, в качестве которого выступает заговаривающий. Как персонаж магического текста в рамках анализируемого мотива белорусских лечебных заговоров он выступает в двух ипостасях:

– как персонаж, который обладает сверхъестественной силой (об этом свидетельствует уже само обращение как к христианским, так и к другим мифологическим персонажам). В некоторых случаях заговаривающий предстает в зооморфном образе (хищного или домашнего животного) – *«ты каза, а я воўк»* – Кормянский район Гомельской области [6: 227, № 764], *«а то я сабака, я цябе з’ем»* – Быховский район Могилевской области [6: 226, № 757], *«я кошка, а ты мышка»* – Рассонский район Вицебской области, Ганцевичский район Брестской области [6: 230, № 776];

– как посредник между христианскими и языческими персонажами (в том числе и болезнью). В этой ипостаси заговаривающий, например, передает болезни («грызі») просьбу Господа Бога и Пречистой Матери не вредить телу человека (*«Не я цябе, грызь, упрашаю, не я цябе, грызь, умаляю. Прося цябе, грызь, сам Гасподзь і маць Прачыстая: па касці не хадзіць, касці не марыць...»*) – Ветковский район Гомельской области [7: 136, № 333].

В текстах лечебных заговоров между адресантом-субъектом и адресатом-объектом, к которому обращена просьба, присутствуют разные активные формы взаимодействия. Эти отношения могут осуществляться как на акциональном («Госпаду Богу памалюся, Прачыстая Маці пакланюся») уровне, так и на вербальном («усіх святых папрашу»), но чаще подобные взаимодействия осуществляются синхронно («Госпаду Богу памалюся, Гасподзь Бога ўпрашаю, умаляю»). Еще большим разнообразием выделяются вербальные формулы обращения, которые влияют на семантику и функциональность мотива в зависимости от адресата: обращения адресовались непосредственно болезни, христианским и языческим персонажам, мифологическим существам, природно-космическим объектам и предметам. С точки зрения семантики действия субъекта наиболее известными были обращения-просьбы (чаще звучала просьба о помощи). Исследование вербальных формул позволило сделать вывод о том, что они полностью соответствуют той прагматической цели, какой добивается лекарь, и выделить 7 наиболее распространенных вариантов обращения, некоторые из которых встречаются и в других славянских традициях:

– просьба (при обращениях как к христианским, так и к языческим персонажам, в том числе к болезни). Это выражается при помощи императивной формы глаголов (*«прыступі», «дапамажы», «стань на помач», «я цябе прашу, угававаю»* и т.д.);

– приказ (при обращениях к болезни – «ты, кроў, запрысь», «не хадзі па касці, не разлівай крыві», «дуга, разагнася, вада, разалліся» и т.д.);

– угроза (при обращениях к языческим персонажам и болезни – «... а не выйдзеш – я на цябе нашлю Міхаіла-архангела. Ён цябе разаб'ець...») – Кормянский район Гомельской области РБ [6: 229, № 770], «я цябе, ляхэ-перапалачэ, ізжэну з імя» – Лельчицкий район Гомельской области РБ [6: 320, № 1076]. Как утверждает Л. Виноградова, «формулы угроз ... русских заговоров по своей структуре, семантике и общей типологии обнаруживают значительное сходство с белорусской традицией. В качестве помощников человека, отпугивающих носителей зла угрозами, здесь чаще всего выступают божественные силы: Бог, Христос, Богородица, архангел Михаил, Илья-пророк, Кузьма-Демьян ... и др.» [8: 429]. Формула угрозы встречается также в македонской («... оти со железо изгорено, кет и го откарнам корено» («а не то каленым железом выжгу твой корень»)) – г. Прилеп, Македония [9: 97, № 205]), болгарской («... че имам манара, че те посечем!.. че имам сито, че те пресеием!.. че имам огин, че те изгорим!» («... у меня есть топор, я тебя порублю!.. у меня есть сито, я тебя просею!.. у меня есть огонь, я тебя сожгу!»)) – Ломский округ, Болгария [9: 113, № 243]) и чешской традиции («Růže, růže, jdi pryč, nebud' více, nedo spálím tebe» («Роза, роза, иди прочь, не будь больше, а то сожгу тебя»)) – Нимбрук, Чехия [10: 113, № 103]);

– проклятие (при обращениях к языческим персонажам и болезни);

– предполагаемое действие (при обращениях к языческим персонажам и болезни – «буду выговорваць»);

– просьба или запрет вредить человеку и его телу (при обращениях к языческим персонажам и болезни, что вербально выражается через отрицательные инфинитивы («тут табе не хадзіць, сэрга не знабіць» и т.п.);

– вопрос («чаго ты ўсхадзіўся?»);

– предложение обмена («табе – цёмныя ночы, мне – светлыя вочы. Табе – на высату, мне – на красату...») – Гомельская область, «Вам, ночныцы, хлеб и сьль, а для мэнь крепкий сон» – Брестская область [11: 59, № 63] и т.д.). В заговорах от «начніц» часто предложение обмена используется вместе с мотивом «Посвятаемся-побратаемся», что зафиксировано также в других славянских традициях: «... Добрый вечер тебе, деду, посватаемось, побратаемось, у мене донька, у вас сынок. Возьми своему сыночку крикушечки и плакушечки, а мой дочци спакоенько и гуляенько...» – Чернобыльский район Киевской области, Украина [11: 47, № 37].

Таким образом, именно от объекта и силы его воздействия на болезнь зависит создание конкретных условий для взаимосвязи с субъектом и выбор формы обращения заговаривающего. С целью определения функции объекта, на который направлено действие в субмотиве «Обращение заговаривающего к христианским персонажам», необходимо подробно охарактеризовать этот мотивный компонент. Чаще всего в рамках анализируемого мотива заговаривающий обращается к Пречистой Матери. Согласно с народными представлениями, Божья Мать «воспринималась близкой простым людям, их первой заступницей перед Сыном, которая по-матерински переживает за всех, утешает, которая милостивая, отзывчивая к любому несчастью и которая облегчает боль» [12: 610]. В белорусских лечебных заговорах с микромотивом (высшей степени конкретизации субмотива на тех же или других смысловых уровнях) «Обращение заговаривающего к

Пречистой Матери» этот персонаж можно отнести как к фольклорно-мифологическим, так и к группе христианских. Как утверждают исследователи, «повсеместно у русских Богородицу считали целительницей от самых разных болезней» [12: 622]. Приведенный тезис подтверждают и примеры белорусских заговоров, в которых заговаривающий обращается к Пречистой Матери с просьбой излечить человека от конкретных заболеваний (например, от заболевания глаз, «уроку», зубной боли и др.) или помочь заговаривающему в этом деле: «*Госпаду Богу памалюся, святой Прачысце пакланюся. Святая Прачыста Божа маці, прыступі к майму дзіцяці ўдару ўгавараці*» – Стародорожский район Минской области, вар. Буда-Кошелевский район Гомельской области [6: 166, № 531], «*Госпаді Божа, Прачыстая маці, прыступі-памагі скулу-рожу выгавараці*» – Солигорский район Минской области [6: 199, № 671], «*Першым разам, божым часам Прасвятая Божая матка, прыступі і дапамажы начныя шаптаці і ўгавараці і сон накідаці*» – Солигорский район Минской области [6: 342, № 1175]. В качестве фольклорно-мифологического, но приближенного к реальному миру персонажа, Пречистая Мать всегда близка к народу: ее просят прийти к дому заболевшего и вылечить его от испуга («*Святая Прачыста Божа мацёр, прыдзі к нашай хаткі, свяцонаму, крешчонаму рабу божаму (імя) іспуг шаптаці*» – г. Гомель Гомельской области [7: 201, № 538]). В данном случае Пречистая Мать одновременно является и персонажем магического текста, и выступает в роли целительницы-шептухи.

Персонаж Пречистая Мать в качестве объекта, на который направлено основное действие, входит в состав структурообразующего мотива как персонаж христианской молитвы. Как компонент сюжетобразующего мотива этот образ приобретает свойства фольклорно-мифологического персонажа и выступает в качестве союзницы лекаря: помогает и заговаривающему, и заболевшему. В некоторых случаях с анализируемого мотива начинается развитие сюжета, и персонаж (в данном случае Пречистая Мать), который является объектом мотива «Обращение заговаривающего...», становится субъектом в других мотивах (например, в мотиве «Способы избавления от болезни»). Выбор объекта непосредственно влияет и на характер обращения.

Таким образом, проанализировав субмотив «Обращение заговаривающего к христианским персонажам», можно сделать выводы о константности и изменяемости мотивных компонентов; о выборе формы действия субъекта (в нашем случае обращения) в зависимости от объекта, на который направлено действие; о значении субъекта и объекта не только в тексте заговора, но и его семантике в мифологической традиции белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре / А. В. Юдин. – М. : МОНФ, 1997. – 319 с.
2. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. / К. В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.
3. Фрээр Дж Дж. Золотая ветвь : Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрээр; пер. с англ. М. К. Рыклина. – М. : ООО “Издательство АСТ” : ЗАО НПП “Ермак”, 2003. – 781 с.
4. Морозов А. В. Ментальные характеристики эпического и лирического устно-поэтического творчества восточных славян / А. В. Морозов // Этнопоэтика и традиция : к

70-летию чл.-корр. РАН В. М. Гацака / Отв. ред. В. А. Бахтина; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : Наука, 2004. – С. 282-289.

5. Максимов А. В. Мифологический мир в малых формах фольклора восточных славян : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / А. В. Максимов. – Смоленск, 2003. – 20 с.

6. Замовы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч; рэдкал. : А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.

7. Таямніцы замоўнага слова / уклад., сістэм. тэкстаў, уступны арт., каментарыі і рэдаг. І. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. – Гомель : Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1997. – 320 с.

8. Виноградова Л. Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах / Л. Н. Виноградова // Заговорный текст. Генезис и структура. – М. : «Индрик», 2005. – С. 425-440.

9. Сборник болгарских народных заговоров / сост., пред. и комм. И. Ф. Амроян. – Тольятти : ТГУ, 2005. – 138 с.

10. Вельмезова Е. В. Чешские заговоры. Исследования и тексты / Е. В. Вельмезова. – М. : Индрик, 2004. – 280 с.

11. Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной [и др.]. – М. : Издательство «Индрик», 2003. – 752 с.

12. Русская мифология. Энциклопедия. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 784 с.

АГРЕСИВНИЙ ТА АКсіОЛОГІЧНИЙ ТИПИ ЕМОЦІЙНОГО ДИСКУРСУ

Стаття присвячена встановленню критеріїв і побудові типології емоційного дискурсу. Особлива увага приділяється агресивному та аксіологічному типам емоційного дискурсу, які розглядаються з урахуванням їх загальної характеристики, а саме визначення, опису типових ситуацій, інтенцій мовців та мовленнєвої поведінки комунікантів. Підкреслюється спонтанність емоційної мовленнєвої поведінки як відмінної риси емоційного дискурсу.

Ключові слова: *інтенція мовця, принцип комунікативного співробітництва, максими ввічливості, конфлікт, агресія, оцінка.*

Статья посвящена установлению критериев и построению типологии эмоционального дискурса. Особое внимание уделено агрессивному и аксиологическому типам эмоционального дискурса, которые рассматриваются с учетом их общей характеристики, а именно определения, описания типовых ситуаций, интенций говорящих и речевого поведения коммуникантов. Подчеркивается спонтанность эмоционального речевого поведения как отличительной черты эмоционального дискурса.

Ключевые слова: *интенция говорящего, принцип коммуникативного сотрудничества, максимы вежливости, конфликт, агрессия, оценка.*

This research focuses on the standard-setting and the typology construction of the emotional discourse. A special attention is drawn to the aggressive and axiological types of the emotional discourse which are studied with regard to their general characteristics, notably the definition, the description of the typical situations, speakers' intentions and the speech behaviour of the communicants. The spontaneity of the emotional speech behaviour as the main differential feature of the emotional discourse is underlined.

Key words: *speaker's intention, the principle of communicative cooperation, politeness maxims, conflict, aggression, assessment.*

Як не раз зазначалося у наших попередніх публікаціях, емоційний дискурс розглядається нами як спонтанна емоційна мовленнєва діяльність і виокремлюється в окремий тип дискурсу на основі низки диференційних рис [див. 1]. Все ж, поряд з лексичними, семантичними, синтаксичними, функціональними особливостями цього дискурсу ми не можемо не згадати прототипних ситуацій його виникнення.

До емоційних дискурсів зараховуємо **агресивний, аксіологічний, блокувальний, з'ясувальний, сповідальний, фатичний**, виходячи з їхньої загальної характеристики, а саме визначення, опису типових ситуацій, інтенцій мовців та мовленнєвої поведінки комунікантів. Метою цієї статті є детальний розгляд лише агресивного й аксіологічного видів емоційного дискурсу. Аналіз інших видів емоційного дискурсу є завданням наших майбутніх статей.